

Алексей Прусов

Неизвестная Императрица

«Автор»

2026

Прусов А.

Неизвестная Императрица / А. Прусов — «Автор», 2026

Друзья, хочу представить вам мою очередную работу. Роман о двух жизнях, одной судьбе и тайне, пронизывающей века и конечно же об отношениях. Задумал, как трилогию и сейчас в работе вторая часть.

© Прусов А., 2026

© Автор, 2026

Алексей Прусов

Неизвестная Императрица

Неизвестная императрица

Роман о двух жизнях, одной судьбе и тайне, пронизывающей века.
Посвящается всем юристам

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ПРОБУЖДЕНИЕ

Глава 1. Прусский гость

Зимний дворец сиял всеми огнями, отражаясь в тёмных водах Невы, как сказочное видение. В парадных залах горели сотни свечей, позолота на стенах мерцала, а огромные зеркала множили свет, создавая иллюзию бесконечного пространства. Сегодня был особый день — прибыл прусский посланник, и Ольга Фёдоровна должна была продемонстрировать мощь и величие Российской империи. Даже в мелочах. Даже в том, как она сидит на троне.

Она сидела прямо, как натянутая струна, чувствуя, как корона тяжелеет на голове с каждым часом. Парадное платье из тёмно-синего бархата, расшитое серебряными нитями, было красивым, но неудобным. Оно сковывало движения, не давало дышать, напоминало ей о том, что она не просто женщина, а императрица. Она — символ, который должен быть идеальным.

«Как же я устала, — пронеслось в голове, — от этих приёмов, от этих поклонов. От этих улыбок, за которыми скрываются холодные расчёты и предательства. Когда же это закончится? Когда я смогу просто быть собой?»

Но она не могла позволить себе слабости. Не сейчас. Не перед прусским графом, который приехал с важной миссией. Она должна быть сильной, непроницаемой, величественной. Именно такой, какой её хотят видеть враги и союзники.

В зал вошёл камердинер и с низким поклоном доложил:

— Ваше Императорское Величество, к вам граф из Пруссии. Соизволите ли принять?

Ольга Фёдоровна небрежно махнула платком в руке — жест, который означал согласие. Она старалась выглядеть беззаботной, но внутри всё сжималось от напряжения. Что принесёт этот визит? Что хочет от неё Пруссия? Союз? Или очередной заговор?

Камердинер с поклоном удалился, и через несколько минут тяжёлые двери открылись. В зал вошёл граф — высокий, стройный, с правильными чертами лица и идеально уложенными волосами. Его костюм был безупречен, а каждое движение выверено до мелочей. Он двигался так, будто танцевал, и это было одновременно красиво и раздражающе.

Граф церемониально поклонился, приблизился к трону и остановился в почтительном отдалении. Его голос был мягким, вкрадчивым, с лёгким акцентом, который выдавал в нём иностранца.

— Приветствую вас, Императрица. Благодарю за оказанную любезность принять меня.

«Какой-то он слишком чопорный, — подумала Ольга Фёдоровна, разглядывая его поверх головы. — Вишь как раскланялся. Как будто у нас при дворе не знают этикет. Или он думает, что я куплюсь на его изысканные манеры?»

— Приветствую вас, граф, — ответила она, в голосе её звучала вежливая холодность, — что вас привело в наши края?

Граф сделал ещё один шаг вперёд и улыбнулся — той самой улыбкой, которую дипломаты надевают, как маску.

— Позвольте мне выразить своё восхищение роскошным убранством этого дворца, — сказал он, и в голосе его послышалась льстивая мягкость. — И, несомненно, главная красота здесь — это вы, Ваше Императорское Величество.

Он любезно отвесил ещё один поклон, и Ольга Фёдоровна почувствовала, как внутри неё закипает раздражение. Её тошнило от придворных льстецов, которые каждый день говорили одно и то же, но за их сладкими речами всегда скрывались холодные расчёты. И этот пруссак был не лучше.

«Ещё один льстец, — подумала она, — ещё один, кто хочет что-то получить. Интересно, что на этот раз?»

— Давайте оставим любезности, милый граф, — сказала она, и голос её стал твёрже и жёстче. — Я крайне занята, так что не будем терять время. Я вас слушаю.

Она заметила, как на мгновение тень пробежала по лицу графа. Он явно не ожидал такого прямого отказа от словесной дуэли, но быстро взял себя в руки и снова улыбнулся.

— Наши страны насчитывают многие годы дружеских отношений, — начал он, и в голосе его появилась деловая нотка. — Взаимовыгодная торговля процветает. Тем не менее нам бы хотелось ещё более тесного сотрудничества. Времена сейчас беспокойные, и было бы желательно обзавестись надёжным союзником — как для вас, так и для нас.

Он сделал паузу, пытаясь понять по лицу императрицы, что она думает. Но Ольга Фёдоровна была непроницаема. Её лицо оставалось спокойным, как гладь воды, а глаза смотрели на него с холодной вежливостью.

«Чёрт меня дери, — пронеслось в голове графа, — попробуй пойми этих русских. Что у них на уме — одному Богу известно».

— Мой король послал меня с очень деликатной миссией, — продолжил он, стараясь, чтобы голос звучал уверенно. — Для укрепления отношений между нашими странами мы предлагаем укрепить наш союз брачными узами.

Ольга Фёдоровна на мгновение замерла. В голове пронеслась мысль: «Он что, не в своём уме? Приехал меня сватать за своего короля?»

— Извините, граф, — сказала она вслух, и в голосе её послышалась лёгкая насмешка, — как прикажете вас понимать?

Граф не смутился её тоном. Он словно ждал этого вопроса и был готов к нему.

— У вас есть взрослый сын, — сказал он спокойно, — а у нашего короля есть дочь. Мы можем укрепить союз наших государствами династическим браком.

Ольга Фёдоровна почувствовала, как в груди что-то сжалось. Георгий, её младший сын. Мягкий, добрый, доверчивый. Тот, кого она оберегала от дворцовых интриг, от бездушной политики. И теперь они хотят отдать за него принцессу Сюзанну.

«Ах, вот он о чём, — подумала она, — ишь что задумал, ирод. Приехал сватать свою Сюзанну за моего Георгия. Ну уж нет! Я не позволю превратить жизнь моего мальчика в политический инструмент».

Но она не могла сказать этого вслух. Она была императрицей, и интересы государства всегда стояли выше личных. Она знала это лучше, чем кто-либо.

— Я подумаю над вашим предложением, граф, — сказала она, стараясь, чтобы голос звучал ровно, — и дам вам ответ через несколько дней. А пока можете располагаться во дворце. У вас будет всё необходимое.

Она хлопнула в ладоши — резко, отрывисто, как будто хотела оборвать этот разговор. И тут же появился камердинер, который ждал за дверью.

— Проводите графа в его покои — приказала она.

Камердинер склонился в почтительном поклоне. Граф тоже раскланялся — с той же идеальной вежливостью, с которой он делал всё. И они удалились.

Ольга Фёдоровна осталась одна.

Она медленно поднялась с трона и подошла к окну. За ним простирался Петербург — город, который был её домом, её тюрьмой, её судьбой. Она смотрела на серое небо и чувствовала, как внутри неё нарастает тревога.

«Приехал сватать моего младшего сына, — думала она. — Вряд ли, конечно, он когда-то взойдёт на престол. Но женить его на Сюзанне?»

Мысли одна за другой лезли ей в голову, как назойливые мухи. С одной стороны, союз был ей необходим. Назревала очередная война с турками, и сильный союзник пришёлся бы как нельзя кстати. Пруссия могла дать ей военную поддержку, выход на европейские рынки. Но Сюзанна...

Ольга Фёдоровна вспомнила портрет принцессы, который ей показывали. Сюзанна была далеко не красавицей. Худая, бледная, с холодными глазами и чопорными манерами. Она умела командовать, знала себе цену, не терпела слабости. И Георгий, её мягкий, добрый Георгий, окажется в этих руках. Как она сможет его защитить?

«Он у меня такой мягкий, — думала она, и на глаза наворачивались слёзы. — И эта стерва будет точно им рулить. Конечно, как мать я буду контролировать это. Но невозможно же быть рядом всё время. Государственные дела требуют слишком много времени. В казне, как обычно, не хватает денег, население недовольно. С этим нужно что-то решать».

Она смотрела на свои руки и видела, как они дрожат. Дрожат от страха за сына, за себя. От страха за Россию.

Но она не могла позволить себе слабости. Она была императрицей.

На следующий день императрица пригласила графа снова. После церемониальных поклонов она сказала:

— Граф Лендорф, прежде чем дать вам ответ, давайте обсудим, какого рода союз, скреплённый брачными узами, вы готовы предложить нашим странам.

Граф слегка наклонил голову, принимая правила игры. Он знал, что императрица будет торговаться, и был готов к этому.

— Разумеется, — сказал он, — мы можем предложить вам сотрудничество в военной сфере. Конечно, данный предмет требует детального обсуждения. Как говорят у нас, дьявол кроется в деталях. Но если вы дадите ваше принципиальное согласие, то мы могли бы продолжить более тесный диалог с вашими и нашими министрами.

Ольга Фёдоровна слушала его и чувствовала, как внутри неё борются две женщины. Императрица, которая понимала, что предложение выгодное, и мать, которая не хотела отдавать сына в чужие руки.

«Это хорошее предложение, — думала она. — Более широкий выход на европейские рынки. Прусский щепетильный подход в развитии промышленности. Военный союз, который никогда не будет лишним. И пока жив Фридрих, он не будет предавать собственную дочь. А значит, союз будет надёжным».

Она вздохнула и приняла решение.

— Хорошо, — сказала она, — я переговорю с сыном и вернусь к вам с ответом.

Она смотрела на графа и чувствовала, как внутри неё разливается холод. Она сделала первый шаг к тому, чтобы отдать Георгия. Она сделала выбор, который мог разрушить жизнь её сына. Но она не знала другого пути.

«Прости меня, сынок, — подумала она, — прости меня, но я должна. Ради России».

Глава 2. Утро после

Сквозь плотные шторы пробивался тусклый утренний свет, но Оля не спешила открывать глаза. Голова гудела, во рту пересохло, а в висках пульсировала знакомая боль — верная спутница тех вечеров, когда текла льётся рекой. Она приоткрыла один глаз и взглянула на часы. Десять утра.

«Блин, — пронеслось в голове, — текила вчера была явно лишней. Особенно последние несколько шотов. И чего я так разошлась?»

Она медленно села в кровати, чувствуя, как комната слегка покачивается. На тумбочке стоял стакан с водой, который предусмотрительно оставил для неё Вадим. Он всегда заботился о ней, даже в мелочах.

Оля взяла стакан и сделала несколько глотков. Холодная вода обожгла горло, но принесла облегчение. Она посмотрела на пустую половину кровати — Вадим уже уехал. На подушке осталась записка: «солнышко, ты так сладко спала, не стал будить. Завтрак на кухне. Целую».

Она улыбнулась, но улыбка вышла натянутой. С одной стороны, ей было приятно его внимание. С другой — что-то внутри неё напрягалось. Какая-то неясная тревога, которую она не могла объяснить.

«Интересно, как он? — подумала она, — тоже плохо? Надо написать, спросить».

Она поставила стакан, встала и побрела в душ. Тёплая вода лилась на плечи, смывая остатки вчерашнего вечера, но мысли оставались. Она вспоминала, как они встретились, как быстро всё закрутилось.

Вадим появился в её жизни чуть меньше месяца назад. На корпоративе, куда её пригласила подруга. Он подошёл к ней с бокалом шампанского и сказал, что она самая красивая женщина в этом зале. Оля тогда рассмеялась — она слышала это миллион раз. Но в его глазах было что-то искреннее, что заставило её задержаться.

Потом были прогулки по ночному городу, стихи, которые он читал ей наизусть, цветы каждое утро, бесконечные сообщения с ласковыми словами. Всё это было красиво, как в кино, но Оля чувствовала, что чего-то не хватает.

Вадим импульсивный романтик, она же была больше за продуманный, прагматичный подход. Романтизм, конечно, ей нравился, да и какой женщине не будет приятно такое внимание, стихи в её адрес, цветы, секс. Она зажмурилась и на секунду вспомнила подробности их последней встречи. «Мур, мур» пронеслось в голове, было приятно, но всё равно, что-то не то, чего-то не хватало, что ли. Может быть мужественности? Нет, это не совсем верное слово, скорее брутальности, что ли. Да, точно, мужчина должен быть более брутальным. Стихи, конечно, тоже неплохо, но извиняться по любому поводу, это уж лишнее.

«Слишком быстро, — думала она, стоя под струями воды, — слишком идеально, слишком правильно. Так не бывает. Если всё началось так быстро, значит, так же быстро закончится».

Она выключила воду и завернулась в полотенце. Глядя на своё отражение в запотевшем зеркале, она видела женщину, которая боится счастья, которая ждёт подвоха, которая не умеет просто принимать любовь, потому что в детстве её предали.

«Со мной тебе будет нелегко, — сказала она Вадиму однажды, — ты уверен, что хочешь этого?»

Она сама не знала, зачем сказала это. Может, хотела его напугать. Может, хотела, чтобы он ушёл, пока не поздно. Чтобы она не успела привязаться, чтобы не было больно, когда он уйдёт.

«Я знаю, — ответил он тогда с мягкой улыбкой, от которой у неё сжималось сердце, — но я люблю тебя. И это главное».

Любила ли она его?

Сложный вопрос. Оля не знала, что такое любовь. Для неё это всегда были какие-то абстрактные понятия: надежность, забота, время. Но было что-то ещё, что-то неуловимое, что не поддавалось объяснению. И этого неуловимого у неё не было.

Она вышла из душа, накинула халат и прошла на кухню. На столе её ждал накрытый крышкой омлет, а рядом лежал круассан из пекарни, которую она обожала. Вадим знал всё, запоминал каждую мелочь. И это одновременно трогало и пугало.

Она сварила себе кофе, взяла телефон и открыла чат. «Приветик, ты как там?» — быстро написала она. Сообщение ушло. Оля поставила телефон на стол и принялась за завтрак, но взгляд то и дело возвращался к экрану. Вадим долго не отвечал, наверное, был занят.

Она уже почти доехала до работы, когда телефон тренькнул. Оля открыла сообщение: «Привет, солнышко! Я норм, на работе давно. Ты как сама?»

Оля улыбнулась — или сделала вид, что улыбнулась. Вадим постоянно называл её ласковыми словами: солнышко, звёздочка, ягодка, жемчужинка. Она была не против, пусть называет, раз ему так хочется. Но внутри снова шевельнулось то самое двойное чувство, в котором она не могла разобраться.

«Что-то не то, — подумала она, — что-то в этом есть неправильное. Слишком сладко, слишком приторно. Как будто он старается изо всех сил, чтобы понравиться. А зачем так стараться?»

Она знала, что дело не в Вадиме. Дело в ней. В её неспособности принять несовершенство людей. Оля понимала, что все разные и что идеальных не существует. Она понимала это головой, но её сердце и душа требовали другого.

Она боролась с этим как могла. Были времена, когда казалось, что она справилась, что проблема ушла. Но потом внезапно накатывало раздражение, что близкий человек, с её точки зрения, несовершенен. Что он делает что-то не так, что он мог бы быть лучше.

К этому добавлялась старая, как мир, травма предательства. Детская боль, которая толкала её в спину, заставляла контролировать всё вокруг. Каждое слово, каждый шаг, каждый взгляд. Она боялась, что, если ослабит контроль, её снова предадут. Как тогда, в детстве.

Она посмотрела на свой ответ в чате: «Да, я тоже уже ничего. Вчера хорошо посидели. Я уже почти на работе. Хорошего дня».

Она знала, что ответ получился сухим, что он ждал от неё большего. Но она не могла дать ему того, чего сама не чувствовала.

«И тебе, звёздочка, — ответил он. — На связи».

Оля положила телефон в сумку и вышла из машины. Утро было серым, но не холодным. Город жил своей обычной жизнью — люди спешили, машины сигналили, где-то играла музыка. Но Оля чувствовала себя чужой в этом мире.

«Что со мной не так? — думала она. — У меня есть работа, которая приносит деньги. Есть мужчина, который меня любит. Есть крыша над головой. Я молода, здорова, красива. Но внутри — пустота. Почему?»

Она вспомнила вчерашний вечер. Текила, смех, танцы. Всё было так легко и весело. А сегодня снова эта серая пустота. Как будто она пыталась заполнить чём-то дыру внутри, но ничего не помогало.

Она подошла к офису и остановилась на мгновение перед входом. Посмотрела на своё отражение в стеклянных дверях. На неё смотрела женщина с усталыми глазами, которая пыталась казаться сильной, которая боялась быть слабой, которая не умела любить.

«Я справлюсь, — сказала она себе, — я всегда справляюсь».

Она толкнула дверь и вошла в здание. Впереди был новый рабочий день, новые дела, новые проблемы. Но внутри неё не было уверенности.

Она знала, что что-то должно измениться. Что она не может продолжать так жить, что она должна найти выход из этой пустоты, из этого страха, из этой жизни, которая казалась чужой. И она чувствовала, что ответ где-то рядом. Что кто-то или что-то поможет ей найти его.

«Я найду его, — подумала она, входя в лифт, — я обязательно найду его. И тогда всё изменится».

Глава 3. Материнское сердце против короны

Ольга Фёдоровна сидела в кресле у камина, и огонь отбрасывал на её лицо мерцающие тени, делая её черты резче, старше. Она смотрела на сына, который метался по комнате, как загнанный зверь, и чувствовала, как разрывается сердце.

Георгий был красив. Высокий, стройный, с тёмными волосами и глазами, в которых горел огонь молодости. Он был её младшим, её любимцем, тем, кого она оберегала от всех дворцовых интриг. И сейчас она видела, как этот огонь превращается в ярость, в отчаяние, в боль.

— Мама, — воскликнул он, и голос его сорвался на крик, — я не хочу жениться на этой Сюзанне! Я вообще пока не хочу жениться! А на ней — тем более!

Ольга Фёдоровна смотрела на него и чувствовала, как в груди разрастается холод. Она знала, что этот разговор будет тяжёлым, знала, что он будет сопротивляться, знала, что её слова ранят его. Но она не могла отступить. Она была императрицей.

— Интересно, почему «тем более»? — спросила она, стараясь, чтобы голос звучал спокойно. — Что с ней не так?

Георгий остановился и посмотрел на неё с таким выражением, будто она спросила что-то нелепое. Он провёл рукой по волосам, пытаясь успокоиться, но это плохо получалось.

— Да она совсем не красавица, мягко говоря, — выпалил он, — да ещё и немка! Мама, зачем всё это вообще? Зачем мне жениться на чужой принцессе, которую я даже не видел? Разве это справедливо?

Ольга Фёдоровна вздохнула и поднялась с кресла. Она подошла к сыну и посмотрела ему прямо в глаза. В её взгляде была твёрдость, но в глубине — боль. Боль матери, которая должна причинить страдания своему ребёнку ради блага страны.

— Я тебе уже объяснила, — сказала она, и голос её стал жёстче, авторитарнее, — мне что, ещё раз повторить?

Она видела, как он сникает, как его плечи опускаются, как гаснет огонь в глазах. Она знала, что он боится её, боится её власти, её решения. И это разрывало ей сердце.

— Не нужно, — ответил он упавшим голосом. — Мама, неужели нет никакого другого выхода?

Ольга Фёдоровна почувствовала, как внутри неё что-то сжимается. Она смотрела на сына и видела в нём себя, какой она была когда-то: молодой, горячей, жаждущей свободы. Но она знала, что свобода, это роскошь, которую правящие не могут себе позволить.

Она подошла к нему и погладила по голове — тем же жестом, которым гладила его в детстве, когда он падал, ударялся, плакал. В этом жесте была вся её любовь, вся её боль, всё её отчаяние.

— Что ты, милый, успокойся, — сказала она мягко, и голос её дрогнул, — ты же понимаешь, что рано или поздно тебе всё равно придётся жениться. Это твой долг перед Россией. Мы должны думать в первую очередь о нашей стране, нам нужен этот союз.

Георгий молчал. Он опустил голову, и Ольга Фёдоровна видела, как он сдерживает слёзы. Как он пытается быть сильным, но не может.

— А для любовных утех, — продолжила она, стараясь, чтобы голос звучал уверенно, — я думаю, ты найдёшь достаточно фавориток. Я буду за всем присматривать, особенно за

Сюзанной. Она примет христианство, сменит имя, выучит русский язык. Не переживай, у меня всё будет под контролем.

Она замолчала и вдруг поймала себя на мысли, что ужасно устала. Устала от этого постоянного контроля. От того, что нужно следить за каждым шагом, каждым словом, каждым взглядом. От того, что нельзя доверять никому.

«Почему же все люди такие? — часто задавала она себе этот вопрос. — Неужели они не могут делать всё правильно? Неужели так трудно быть ответственными, честными, порядочными?»

Она знала, что удерживать власть в своих руках всегда сложно. Что нужно больше доверять министрам, советникам, приближённым. Но она не могла выпустить из рук этот всепоглощающий контроль. Он стал её тюрьмой. Но он же был её защитой.

Она вспомнила свою мать. Такую же властную, такую же жёсткую, такую же контролирующую. Мать всегда была главной в семье, а отец — в её тени. Он любил свою жену, он любил свою дочь. Ольга Фёдоровна до сих пор не могла понять, кого больше. Она была сильно привязана к отцу. Он был её убежищем, её защитой, её тихой гаванью в бушующем море дворцовых интриг. Она часто искала у него защиты, когда мать была слишком строга, слишком требовательна, слишком холодна. Но если конфликт был с матерью, отец замолкал. Он не вставал на её сторону, он просто исчезал, оставляя её наедине с гневом матери.

Эту обиду она носила в себе всю жизнь. Детскую обиду, которую так и не смогла отпустить. Она искала защиты у отца от матери — и не получала её. И теперь, когда она сама стала матерью, она боялась повторить эту ошибку. Но она её повторяла снова и снова.

Она посмотрела на Георгия, на его поникшие плечи, на его опущенную голову, и поняла, что становится той самой матерью, которую когда-то боялась. Она стала такой же холодной, такой же требовательной, такой же безжалостной. «Зачем я это делаю? — подумала она. — Зачем я ломаю его жизнь? Зачем я превращаю его в пешку в своей игре?» Но ответ был прост: она не могла поступить иначе, потому что она была императрицей, потому что интересы государства всегда стояли выше личных, потому что, если она покажет слабость, её уничтожат. И тогда погибнет не только она, но и вся Россия.

Она тяжело вздохнула и положила руку на плечо сына.

— Я знаю, что тебе больно, — сказала она тихо, — я знаю, что ты не хочешь этого. Но я прошу тебя: ради меня, ради России, ради будущего, которое мы должны построить вместе.

Георгий поднял голову. В его глазах стояли слёзы, но он не плакал. Он был мужчиной, он был наследником, он был сыном императрицы.

— Я сделаю это, мама, — сказал он, и голос его дрогнул. — Ради тебя, ради России. Но ты должна знать: я не прошу тебе этого никогда.

Он развернулся и вышел из комнаты, оставив Ольгу Фёдоровну одну.

Она стояла у камина и смотрела на догорающий огонь. Внутри неё было пусто, холодно, темно. Она знала, что только что потеряла что-то важное, то, что нельзя вернуть: доверие сына, его любовь и уважение.

«Что ты делаешь, Ольга? — спросила она себя. — Ты превращаешься в ту самую мать, которую боялась. Ты ломаешь своего сына, как твоя мать ломала тебя. И зачем? Ради власти? Ради страны? Ради того, что будет после тебя?»

Она подошла к окну и посмотрела на ночной Петербург. Город спал, укрытый тёмным небом. Она смотрела на звёзды, которые мерцали над Невой, и чувствовала, как внутри неё разрастается пустота.

«Может, ещё не поздно? — подумала она. — Может, я могу отказаться от этого брака? Может, я могу найти другой выход?»

Но она знала, что не может. Потому что она императрица. Потому что её выбор — это выбор всей России. Потому что, если она отступит, она потеряет всё.

Она сжала перстень на пальце и почувствовала его тепло, пульсацию, жизнь. Она поднесла руку к губам и прошептала: «Помоги мне найти выход. Я не могу потерять его. Я не могу потерять себя. Я не могу потерять Россию».

Она стояла у окна и ждала. Ждала ответа, знака, чуда.

Глава 4. Сессия и находка

Оля сжимала руль и чувствовала, как напряжение разливается по всему телу. Она опаздывала.

Машина прыгала из ряда в ряд, ловко лавируя между другими машинами, но при этом Оля старалась не нарушать правила и не попадать под камеры. Она знала каждую улицу, каждый перекрёсток, каждую ловушку для водителей в этом городе. Но сегодня даже это не помогало.

«Чёрт, чёрт, чёрт, — стучало в голове. — Почему я всегда опаздываю? Почему я не могу организовать своё время?»

Она знала ответ — она не хотела идти на эту встречу. Боялась того, что услышит, боялась того, что скажет сама, боялась того, что правда окажется слишком страшной.

Сессия с психологом была необходима. Они знали друг друга уже несколько лет, но последнее время встречались нечасто. Оля думала, что справится сама, что ей не нужна помощь. Но сейчас она понимала: не справляется, ей нужна поддержка, ей нужно разобраться в себе, в своих чувствах, в своей жизни.

Она практически ввалилась в кабинет, скидывая на ходу пальто и пытаясь отдышаться после бега по лестнице.

— Добрый вечер, — выпалила она с порога, чувствуя, как сердце колотится где-то в горле.

Марина Анатольевна сидела в своём кресле, как всегда спокойная и невозмутимая. Ей было за шестьдесят, но она выглядела моложе — ухоженная, с мягкими чертами лица и добрыми глазами, которые видели насквозь. Она улыбнулась Оле той самой тёплой улыбкой, от которой на душе становилось легче.

— Добрый, добрый, — ответила она, — что, пробки?

— Да, Питер, как обычно, весь стоит, — выдохнула Оля, падая в кресло напротив, — еле успела.

Она перевела дыхание и посмотрела на Марину Анатольевну. В её взгляде было столько всего: страх, отчаяние, надежда, растерянность. Она не знала, с чего начать, не знала, как объяснить то, что происходило внутри неё.

— Марина Анатольевна, — начала она, и голос её дрогнул. — Я совсем не понимаю, что происходит. Никак не могу понять себя. Мне страшно, мне очень страшно.

— Оленька, успокойся, пожалуйста, — сказала Марина Анатольевна, и голос её был мягким, успокаивающим, — присаживайся. Мы с тобой сейчас всё обсудим, никуда не торопимся. Рассказывай.

Оля глубоко вздохнула. Этот вдох дался ей с трудом — лёгкие словно сжались, не желая впускать воздух. Она сидела в мягком кресле цвета бургунди, которое когда-то казалось ей удобным. Пальцы её теребили край платка, который она сжимала в руках, и она видела, как побелели костяшки от напряжения.

Она начала говорить. Сначала слова шли медленно, как будто она переступала через невидимые барьеры. О Вадиме, о том, как он появился в её жизни — внезапно, ярко, как фейерверк. О том, как он дарил ей цветы, читал стихи, называл её солнышком и звёздочкой. О том, как она принимала его внимание, но внутри неё оставалась пустота.

— Я не понимаю, люблю ли его, — сказала она, и голос её дрогнул. — Он хороший, заботливый. Он делает всё, чтобы я была счастлива. Но я не чувствую того, что должна чувствовать. Когда он рядом, мне хочется быть одной. Когда он говорит мне ласковые слова, я хочу, чтобы он замолчал. Я боюсь потерять его, но ещё больше боюсь остаться с ним. Потому что, если я останусь, я буду врать ему, себе, всем.

Она замолчала, чувствуя, как внутри неё поднимается волна. Слезы жгли глаза, но она не позволяла им пролиться. Она сжала платок сильнее, как будто он мог удержать её от падения.

— Я боюсь, что он увидит меня настоящую, — продолжила она, и голос её стал почти шёпотом. — Ту, которая не умеет любить, ту, у которой внутри стена. Я построила эту стену вокруг себя так давно, что сама забыла, что за ней. А теперь я не знаю, как её разрушить. И боюсь, что если разрушу, то ничего не останется. Совсем ничего.

Она подняла глаза на Марину Анатольевну, и в них блеснули слёзы.

— У меня есть всё, о чём я мечтала. Работа, которая приносит деньги. Мужчина, который меня любит. Я здорова, молода, у меня есть сын. Но я не чувствую счастья. Я не чувствую ничего. Только страх, только пустоту. Иногда мне кажется, что я — стеклянный сосуд. И если кто-то дотронется слишком сильно, я разобьюсь на тысячу осколков.

Она замолчала, чувствуя, как внутри неё всё дрожит. Слова вырвались наружу, и теперь она не могла их забрать обратно. Она смотрела на психолога, ожидая осуждения, диагноза, лекарства. Чего угодно, что вернуло бы ей контроль над своей жизнью.

Марина Анатольевна слушала молча. Её лицо было спокойным, как гладь озера в безветренный день. Она не перебивала, не давала советов, не пыталась утешить банальными фразами. Она просто была рядом, смотрела на Олю с тем терпеливым вниманием, которое само по себе было лекарством. В тишине кабинета слышалось только тиканье настенных часов и прерывистое дыхание Оли.

Когда Оля замолчала, Марина Анатольевна подалась вперёд, сложив руки на коленях. Её голос был мягким, но в нём звучала та особая уверенность, которая появляется только у людей, десятилетиями лечащих чужие души.

— Оля, — сказала она, и каждое слово падало в тишине, как камень в воду. — Ты говоришь о себе так, будто ты ошибка. Будто твои чувства — это что-то неправильное, что нужно исправить. Но я вижу не ошибку. Я вижу человека, который так долго носил в себе боль, что перестал отличать её от себя. Ты думаешь, что пустота внутри, это твоя вина. Но это не так. Это защита. Ты построила стену, чтобы выжить, ты научилась не чувствовать, чтобы не страдать. И это не слабость, это сила. Но теперь эта сила стала тюрьмой.

Она сделала паузу, давая Оле время переварить услышанное.

— Ты не обязана быть идеальной, — продолжила она, и голос её стал ещё мягче. — Ты не обязана всё контролировать. Ты имеешь право на ошибки, право на чувства. Даже если они кажутся тебе неправильными. Ты имеешь право бояться, злиться, плакать. Ты не обязана быть сильной каждую секунду своей жизни, ты не обязана знать всё. Ты имеешь право быть живой.

Оля смотрела на психолога и внутри неё что-то менялось. Это было похоже на то, как если бы она стояла в тёмной комнате, и кто-то медленно приоткрыл дверь, впуская свет. Сначала узкая полоска, потом — шире. И вот уже комната перестаёт быть тюрьмой.

Стена, которую она строила годами, начала давать трещины. Не с грохотом, не с разрушением, а тихо, почти незаметно. Сначала одна тонкая линия, потом — вторая. И вдруг она поняла, что стена больше не кажется ей неприступной. Что за ней есть что-то живое, настоящее.

Она подняла глаза на Марину Анатольевну, и впервые за долгое время в них не было страха, только удивление. Удивление человека, который только что понял, что его клетка была открыта всё это время.

— Я не знаю, как быть другой, — прошептала она. — Я не знаю, как позволить себе чувствовать. Я так долго была той, кем должна была быть, что забыла, кто я на самом деле.

— Ты уже начала путь, — ответила Марина Анатольевна, и в её улыбке было столько тепла, сколько Оля не видела в своей жизни. — Ты пришла сюда, ты говоришь, ты смотришь на себя по-новому. Это и есть начало. И ты не одна, я здесь. И я буду рядом, сколько потребуется.

Оля медленно выдохнула. Впервые за долгое время она чувствовала, как её отпускает. Как будто она держала что-то в руках так долго, что пальцы затекли, а теперь наконец позволила себе разжать кулак. И это освобождение было пугающее и одновременно освобождающее.

Она не знала, что будет дальше. Но знала одно: она сделала первый шаг. И теперь, какой бы трудной ни была дорога, она не повернёт назад.

Прошло несколько дней. Приближались выходные, и Вадим предложил Оле необычную экскурсию по развалинам старого монастыря. Оля любила экскурсии, особенно когда они были в частном порядке, без толпы туристов, один на один с гидом. Но лазить по развалинам ей не особо хотелось.

— Ты уверен, что это интересно? — допытывала она Вадима. — Что мы будем смотреть на этих развалинах?

— Там будет очень интересный экскурс в историю, — ответил он с загадочной улыбкой. — Тебе точно должно понравиться.

И Оля в конце концов согласилась. Она всегда соглашалась, когда он так смотрел на неё — с надеждой, с любовью, с желанием сделать её счастливой. Даже если она не была уверена, что сможет быть счастливой.

Монастырь оказался старым, полуразрушенным, заросшим плющом и мхом. Камни, когда-то бывшие стенами, теперь лежали грудami, а сквозь проёмы окон виднелось серое небо. Воздух был влажным, прохладным, с запахом сырости и запустения.

Экскурсия оказалась интересной. Гид, пожилой мужчина с увлечённым взглядом, рассказывал о монахах, которые жили здесь столетия назад, о тайных ходах, о кладках, которые якобы были спрятаны в этих стенах. Оля слушала его и чувствовала, как она проваливается мыслями в глубину веков.

Она шла по каменным плитам, касалась рукой холодных стен и чувствовала, как сквозь время до неё доносятся голоса. Голоса людей, которые жили здесь, молились, страдали, надеялись. Она закрыла глаза на мгновение, и ей показалось, что она слышит пение монахов. Тихое, грустное, торжественное.

— Что ты? — спросил Вадим, касаясь её плеча. — Ты в порядке?

— Да, — ответила она, открывая глаза. — Просто задумалась. Здесь как-то странно... Как будто время остановилось.

Они пошли дальше, и Оля заметила в одной из келий нечто необычное. Под грудой старых кирпичей что-то лежало. Она нагнулась и начала осторожно разбирать камни.

— Что ты там нашла? — поинтересовался Вадим, подходя ближе.

— Да сама пока не знаю, — ответила она, чувствуя, как сердце начинает биться быстрее. — Там что-то лежит.

Вадим присел на корточки и помог ей разбросать оставшиеся кирпичи. Под ними оказалась небольшая шкатулка. Она была старой, потемневшей, с едва заметными следами инкрустации. Казалось, что она пролежала здесь десятилетия, а может, и столетия.

— Смотри, как интересно, — прошептала Оля, и голос её дрогнул от волнения.

Она осторожно приоткрыла крышку, шкатулка была пуста. Внутри только выцветший бархат, который когда-то был синим или красным, а теперь превратился в серый, почти белый.

— Хлам какой-то, — произнёс Вадим, разочарованно пожав плечами. — Я думаю, никакой художественной ценности это не представляет.

— Может быть, и так, — ответила Оля, но что-то внутри неё сопротивлялось. Она чувствовала, что эта шкатулка важна, что она не случайно оказалась здесь, что она ждала её. — Но я всё равно это возьму.

Вадим в недоумении пожал плечами.

— Бери, конечно, раз тебе так нужно.

Оля сжала шкатулку в руках и почувствовала, как по телу пробегает странная дрожь. Ей показалось, что шкатулка тёплая, живая, как будто внутри неё билось сердце. Оля спрятала находку в сумку и пошла дальше, чувствуя, что её жизнь только что изменилась. Она не знала — как, она не знала — почему. Но она чувствовала это каждой клеткой своего тела.

Дома она более внимательно разглядела находку. Шкатулка была небольшой, всего сантиметров пятнадцать в длину. Древесина потемнела от времени, местами сохранилась инкрустация — узоры, которые когда-то были золотыми или серебряными, а теперь превратились в тусклые линии. Оля провела пальцами по крышке и почувствовала лёгкую пульсацию.

«Наверно, это принадлежало какой-то придворной даме, — думала она. — Хранила там колечки, брошки. Как шкатулка попала в монастырь? Это же женская вещь. Какая дама могла оказаться среди монахов?»

Старая, потёртая коробочка непонятным образом притягивала её. Оля не понимала, почему. Она смотрела на неё и чувствовала, что внутри неё что-то меняется. Как будто шкатулка знала её, как будто она ждала её, как будто они были связаны чем-то, что нельзя объяснить словами.

«Нужно будет показать её Гоше», — думала она. Гоша был её сыном, уже достаточно взрослым, окончившим исторический факультет. Ему должно быть это интересно.

На следующий день она показала шкатулку сыну. Гоша покрутил её в руках, внимательно осмотрел со всех сторон и покачал головой.

— Знаешь, мам, по-моему, это фигня какая-то, — сказал он. — Просто старый хлам. Выброси и не забивай себе голову.

Он ещё немного покрутил шкатулку в руках и вернул её Оле.

— Да ещё и плохо сохранилась, — добавил он. — Непонятно, что это вообще такое. Может, какая-то подделка.

— Да, наверное, ты прав, — ответила Оля, хотя внутри неё всё протестовало, — выброшу, конечно.

Но она не выбросила. Сама не понимая, почему, убрала шкатулку в прикроватную тумбочку. Она лежала там, в темноте, и Оля чувствовала её присутствие. Чувствовала, как она ждёт, чувствовала, что она пришла не случайно.

Глава 5. Явление перстня

Неделя превратилась в пытку. Мысли о шкатулке преследовали Олю повсюду. На работе, в офисе, среди бесконечных папок и сухих юридических формулировок, она вдруг ловила себя на том, что смотрит в одну точку, не видя ни бумаг, ни экрана компьютера. За рулём, в бесконечных пробках, её взгляд рассеянно скользил по серым фасадам домов, а в голове крутилась только одна мысль: что же там, в той маленькой коробочке? Даже дома, когда она пыталась расслабиться перед телевизором, шкатулка звала её. Она чувствовала её присутствие, как будто та дышала, как будто ждала, как будто говорила с ней.

В пятницу вечером Оля не выдержала. Она зашла в спальню, закрыла дверь и села на кровать. Руки дрожали, когда она открыла прикроватную тумбочку. Шкатулка лежала на месте, тёмная, с едва заметной инкрустацией, которая в полумраке казалась давними шрамами на старом дереве. Оля взяла её в руки и почувствовала знакомое тепло. Оно разливалось по ладо-

ням, поднималось выше, к груди, к сердцу, и Оля чувствовала, как внутри неё что-то меняется. Как будто шкатулка знала её, как будто она была её частью.

Она приоткрыла крышку и застыла. На дне шкатулки лежал перстень. Он был прекрасен — массивный золотой ободок с большим сапфиром, который мерцал в тусклом свете, как ночное небо. Камень был глубокого темно-синего, почти черного цвета, с внутренним свечением, которое казалось живым. Оля чувствовала, как от него исходит тепло, как он пульсирует в такт её сердцу.

— Этого не может быть, — прошептала она, и голос её сорвался на хрип. — Этого просто не может быть.

Мозг лихорадочно пытался найти объяснение. Может, это Вадим решил сделать сюрприз? Он же знал про шкатулку. Может, он положил туда перстень, чтобы удивить её? Но Вадим не мог себе позволить такую дорогую вещь. Этот перстень стоил целое состояние. Подделку Вадим бы не купил — он слишком честный для этого. Но тогда откуда он взялся?

Она осторожно достала перстень из шкатулки. Металл был прохладным, но через мгновение нагрелся, подстраиваясь под температуру её тела. Оля поднесла его к свету, и сапфир вспыхнул глубоким, насыщенным цветом. Внутри камня, казалось, горела крошечная свеча, которая мерцала, как далёкая звезда.

Она крутила перстень в руках, рассматривая каждую деталь: изящный узор на ободке, едва заметные царапины на золоте, которые говорили о том, что вещь старая, настоящая, пережившая не одно столетие. Он был идеален. Сделан с такой любовью и мастерством, что Оля не могла оторвать от него взгляд.

Наконец она не выдержала. Медленно, почти благоговейно, она надела перстень на безымянный палец правой руки. Металл скользнул по коже, и Оля почувствовала, как по телу пробегает электрический разряд. Перстень сел как влитой, как будто его делали специально для неё. Как будто он ждал её.

«Ну чем не императрица?» — улыбнулась Оля, глядя на себя в зеркало.

Она долго смотрела на своё отражение, на перстень, который сиял на её пальце, и чувствовала странное спокойствие. Как будто она была на своём месте. Как будто она нашла что-то, что искала всю жизнь. Как будто перстень был ключом к чему-то важному, что она должна была понять.

Весь вечер она не снимала его. Она ходила по квартире, любуясь игрой света в сапфире, чувствуя его тяжесть на пальце, его тепло. Она разговаривала с перстнем, как с живым существом, рассказывала ему о своей жизни, о своих сомнениях, о своих страхах. И ей казалось, что он слушает, что он понимает и отвечает.

— Зачем ты пришёл ко мне? — спрашивала она. — Что ты хочешь мне сказать?

Перстень молчал, но Оля чувствовала его присутствие. Чувствовала, что он жив.

Перед сном она нехотя стащила его с пальца. Металл сопротивлялся, как будто не хотел расставаться с ней. Оля с трудом сняла его и убрала в шкатулку.

— До завтра, — прошептала она, закрывая крышку. — Я вернусь.

Она проснулась рано, до будильника. Первым делом протянула руку к тумбочке, открыла шкатулку и заглянула внутрь.

Перстня там не было.

Она долго смотрела в пустоту, не в силах понять, как это возможно. Она ощупала дно рукой, перевернула шкатулку, заглянула под неё, под кровать, под тумбочку. Ничего.

— Я что, схожу с ума? — в панике прошептала она. — Я точно схожу с ума.

Она села на кровать, обхватив голову руками. Вчера всё было так реально. Она помнила каждую деталь: холод металла, который нагревался на пальце, сияние сапфира, его тяжесть. Она чувствовала его пульсацию, его присутствие. А теперь его просто не было.

«Может, мне это приснилось? — думала она. — Может, это был сон? Но нет. Я помню всё. Я помню, как надела его, как смотрела на себя в зеркало. Это не могло быть сном».

Она сидела на кровати, страх поднимался из груди, сковывал горло, мешал дышать. Она боялась, что теряет рассудок, боялась, что больше не контролирует свою жизнь.

Она подождала до десяти утра — терпеть дольше было невозможно — и набрала номер Марины Анатольевны.

— Доброе утро, Марина Анатольевна, — сказала она, стараясь, чтобы голос звучал ровно, — мне срочно нужно с вами встретиться.

— Олечка, что случилось? — голос психолога был встревоженным. — К чему такая спешность? Что-то с Вадимом?

— Нет, Вадим здесь ни при чём, — ответила Оля, чувствуя, как голос начинает дрожать. — Со мной происходит что-то странное. Мне вообще кажется, что я схожу с ума.

Марина Анатольевна помолчала. Оля слышала, как она листает ежедневник, что-то прикидывает, взвешивает.

— Хорошо, — сказала она наконец. — Жду тебя к одиннадцати. Это единственный возможный вариант на сегодня. Я перенесу одну встречу.

Оля отпросилась на работе, сославшись на срочное личное дело, и помчалась к психологу. Она ехала, сжимая руль, и чувствовала, как внутри неё бушует буря. Она знала, что должна рассказать всё, даже если это прозвучит безумно.

Марина Анатольевна внимательно выслушала её сбивчивый рассказ. Она сидела в своём кресле, сложив руки на коленях, и смотрела на Олю с тем профессиональным спокойствием, которое умело внушать доверие.

— Что со мной такое? — спросила Оля, чувствуя, как слёзы подступают к глазам. — Может, это начало шизофрении? Я боюсь, Марина Анатольевна. Я очень боюсь.

— Для начала нужно успокоиться, — сказала Марина Анатольевна, и голос её был мягким, как тёплый плед. — Это первый и основной принцип любой терапии. Ну-ка, давай вместе.

Она начала размеренно дышать — медленно втягивая воздух ноздрями и так же медленно выпуская через рот.

— Давай повторяй за мной. Вдох. Выдох. Хорошо. Ещё раз. Вдох. Выдох.

Так они делали минут десять. Оля чувствовала, как дыхание становится ровнее, как паника отступает, как на смену страху приходит усталость.

— Ну что? — спросила Марина Анатольевна. — Теперь немного лучше?

— Да, — ответила Оля, вытирая слёзы. — Вроде получше. Но что же всё-таки со мной такое?

— Я думаю, это обычная дереализация, — сказала Марина Анатольевна. — Ничего страшного. Но анализы сдать всё равно нужно. Сейчас я тебе напишу, какие.

Она взяла листок и быстро написала список.

— Стрессы были? — продолжила она. — Может, на работе? Нет? Ты же юрист, может, в суде что-то? Нет? С Вадимом? Опять нет? Переутомилась? Недосып? Детская травма? Нет?

Оля продолжала отрицательно качать головой.

— Ну ладно, разберёмся, — сказала Марина Анатольевна. — Ты главное не переживай. Вот, держи.

Она протянула Оле листок со списком анализов.

— Сдай их, и мы посмотрим, что дальше.

Оля приехала на работу только к обеду. Она чувствовала себя разбитой, опустошённой, как будто из неё выкачали все силы. Мысли о перстне не выходили из головы, но она заставила себя сосредоточиться на работе.

Она была старшим юристом в крупном холдинге. Её работа — судебные тяжбы, слияния и поглощения, арбитражи, иногда откровенное рейдерство. Оле это не нравилось, но деньги платили приличные, и она часто переступала через свои принципы, выполняя нужную работу.

На столе лежал судебный иск — реструктуризация долгов. Сухие цифры. Арест имущества должника. Обычная рутина. Оля принялась за работу — завтра суд, и нужно успеть подготовить все документы.

Она работала механически, чувствуя, как голова гудит, а тело требует отдыха. Но она не могла остановиться. Не могла позволить себе думать о перстне. Не могла позволить себе сойти с ума.

Ближе к вечеру позвонил Вадим.

— Привет, ягодка, — сказал он, и Оля поморщилась.

— Привет, — ответила она, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

— Может, сходим куда-нибудь сегодня?

— Что значит «куда-нибудь»? — раздражение накатило внезапно, как волна. — Ты же знаешь, я так не люблю. Нужно было заранее договориться, куда пойдём, во сколько, что будем делать.

Вадим замолчал на том конце. Оля поняла, что перегнула. Это был её извечный контроль, её потребность управлять всем вокруг, её страх перед неожиданностями.

— Ладно, извини, — выдавила она. — Я сегодня очень устала. Если хочешь, приезжай ко мне.

— Хорошо, буду.

Она положила трубку. Видеть Вадима ей не хотелось, но отказать она не могла. Она всегда не могла отказать тем, кто её любил.

Вадим приехал через час. С порога он протянул ей букет — скромный, но красивый, — и нагнулся, чтобы поцеловать. Оля подставила щеку вместо губ. Она чувствовала, что не может ответить на его нежность, что внутри что-то сломалось.

— Голодный? — спросила она.

— Немного есть.

— Мой руки. Я разогрею.

За столом разговор не клеился. Оля чувствовала, как между ними растёт стена. Она хотела рассказать ему о перстне, но не решалась. Как объяснить то, что не понимаешь сама? Как сказать, что ты, возможно, сходишь с ума?

— Вадь, расскажи что-нибудь, — попросила она. — Что мы так сидим?

— Что рассказать?

— Расскажи сказку.

Под сказкой она понимала какую-нибудь интересную историю — из жизни или работы. Вадим уже привык к её требованиям. Он знал, что она ждёт от него чего-то необычного, и старался угодить. Он искал в интернете интересные статьи, особенно по психологии, чтобы удивить её.

— Ну вот, — начал он. — Есть одна интересная история...

Оля слушала его вполуха, ловя себя на мысли, что Вадим кажется ей примитивным. Всё, что он рассказывал, она уже знала. Она давно прочитала те же статьи, давно сделала свои выводы.

— Ну, что думаешь? — спросил Вадим, закончив.

— А ты сам что думаешь? — ответила она вопросом на вопрос. — Как ты понимаешь смысл?

Вадим начал рассуждать, и Оля снова поймала себя на мысли, что он не дотягивает до её уровня. Она чувствовала, что ей с ним становится скучно. Что она ищет что-то большее, чего он не может дать.

Ночью она тайком заглянула в шкатулку. Перстня внутри не было. Только пустой бархат, который казался насмешкой.

«Ну слава богу, — подумала она с облегчением. — Наваждение прошло».

Но она знала, что это не так. Что перстень был реальным, что он ждал её, что он вернётся. И что, когда он вернётся, её жизнь изменится навсегда.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ТРЕЩИНА В РЕАЛЬНОСТИ

Глава 6. Лицо за папкой

Утро началось с холодного душа и чашки крепкого кофе, который Оля пила стоя, глядя в окно на серый питерский пейзаж. Настроение было паршивым — она не выспалась, голова гудела, а мысли о перстне не отпускали. Она снова заглянула в шкатулку перед выходом — пусто. Но чувство присутствия не исчезло. Казалось, что шкатулка смотрит на неё из темноты тумбочки, ждёт, когда она вернётся.

Оля механически оделась. Чёрный строгий костюм, белая блузка, волосы, собранные в короткий хвост, чтобы не мешали. Очки в тонкой оправе — не столько для зрения, сколько для защиты. Барьер между ней и миром. Неяркая помада, почти незаметная. Она выглядела как идеальный юрист — холодная, собранная, профессиональная.

«Сегодня важное дело, — сказала она себе, глядя в зеркало. — Соберись. Ты здесь для работы. Ты не имеешь права на слабость».

Но внутри, под слоем профессиональной брони, что-то дрожало. Что-то, что она не могла контролировать. Что-то, что проснулось вместе с перстнем.

Она вышла из дома, села в машину и поехала в суд. Дорога была привычной: пробки, сигналы, серые фасады домов. Но сегодня всё казалось другим. Как будто она видела город впервые. Как будто она была здесь чужой.

Здание суда встретило её привычным гулом. Шаги по мраморному полу, запах старой бумаги, тревожные лица людей, которые ждали решения своей судьбы. Оля прошла через металлодетектор, кивнула охраннику и направилась в зал заседаний.

Она села за стол, разложила документы. Всё было готово. Она знала это дело наизусть, как и сотни других. Реструктуризация долгов. Арест имущества. Рутинная, которую она повторяла годами. Но сегодня что-то было не так.

Ещё до начала заседания к ней подошла женщина. Пожилая, лет шестидесяти, с добрыми, уставшими глазами. Она была одета скромно, но со вкусом — тёмный костюм, седые волосы, аккуратно уложенные, на руке старые часы с потертым ремешком, которые явно были дороги ей как память.

— Извините, пожалуйста, — сказала она дрогнувшим голосом. — Я знаю, вы представляете интересы истца. Не знаю, как вас по имени-отчеству.

Оля подняла на неё глаза. В них не было ни тепла, ни холода, только профессиональная пустота, которую она научилась надевать, как маску.

— Ольга Фёдоровна, — ответила она, и голос её прозвучал сухо, отстранённо.

— Очень приятно, Ольга Фёдоровна, — сказала женщина, и в голосе её послышалась робкая надежда. — Я Мария Михайловна. Представляю интересы ответчика, точнее, я сама ответчик. Я не сторонний сотрудник, а юрист компании. Собственной компании.

Она сделала паузу, как будто собираясь с духом.

— Чем обязана? — спросила Оля, чувствуя, как внутри неё шевелится что-то незнакомое, что она старалась подавить.

— Дело в том, — продолжила Мария Михайловна, и голос её стал ещё тише, — что мы хотели бы попросить вас об отсрочке заседания. Понимаете, нам нужно немного времени. Мы обязательно найдём деньги. Но реструктуризация неминуемо приведёт к расчленению компании.

Оля смотрела на неё, и видела не просто ответчика. Она видела человека. Женщину, которая построила что-то своими руками, которая рисковала всем. Которая сейчас стояла перед ней, умоляя о снисхождении.

— Это не мои проблемы, Мария Михайловна, — ответила Оля, и голос её был холоднее, чем она хотела.

— Я понимаю вашу позицию, — сказала Мария Михайловна, и в её глазах блеснули слёзы. — Но в нашей структуре работает много людей. И я очень бы не хотела, чтобы они оказались на улице. Это не просто цифры, Ольга Фёдоровна, это семьи, это дети, это жизни.

Оля почувствовала, как внутри неё что-то сжимается. Она видела эти глаза, эту боль. И она знала, что могла бы помочь, что могла бы найти другой путь. Но она не имела права. Она была наёмным юристом и выполняла свою работу.

— Такова жизнь, Мария Михайловна, — сказала она, и голос её стал твёрже. — Я не могу вам ничем помочь. Считайте наш разговор завершённым.

Мария Михайловна тяжело вздохнула. Её плечи опустились, как будто на них лежала невидимая тяжесть. Она посмотрела на Олю с такой болью, что у той на мгновение перехватило дыхание.

— Я понимаю, — сказала женщина тихо. — Простите, что отняла ваше время.

Она отошла в сторону, Оля смотрела ей вслед, чувствуя, как внутри неё разрастается холод. Но она заставила себя отвернуться. Она была профессионалом и не имела права на эмоции.

Судебное заседание прошло быстро. Оля выступала уверенно, аргументированно, холодно. Она смотрела на судью, на адвокатов, на документы, но старалась не смотреть на Марию Михайловну. Не видеть её лица, не чувствовать её боли.

Решение было ожидаемым. В пользу истца. Оля собрала документы, встала и направилась к выходу. Но на пороге она остановилась. Бросила мимолётный взгляд на скамейку, где сидела Мария Михайловна. Женщина сидела неподвижно, сторбившись, закрыв лицо руками. Её плечи вздрагивали — она плакала. Плакала тихо, беззвучно, как плачут люди, которые потеряли всё.

Оля почувствовала, как внутри неё что-то оборвалось. На мгновение она увидела себя со стороны: холодную, бездушную, профессиональную. И поняла, что ненавидит это отображение.

«Не моё дело, — пронеслось в голове. — Я просто выполняю свою работу. Это не я разрушаю её жизнь. Это бизнес, закон, система».

Но слова не помогали. Чувство жалости — то самое, которое она так старательно подавляла, — прорвалось сквозь броню. Оля почувствовала, как в груди разрастается тяжесть, как слёзы подступают к глазам. Как она хочет подойти к Марии Михайловне, обнять её, сказать: «Я помогу. Всё будет хорошо».

Но она не сделала этого. Она вышла из зала, и её шаги гулко разносились по пустому коридору, как отзвук её собственной совести.

«Ты поступила правильно, — говорила она себе. — Ты сделала свою работу. Ты не имеешь права чувствовать, не имеешь права жалеть. Это слабость».

Но внутри неё что-то изменилось, что-то сломалось. Как будто ледяная стена, которую она строила годами, начала давать трещины.

Она вышла из здания суда и вдохнула свежий воздух. Небо было серым, низким, тяжёлым. Оля смотрела на него и чувствовала, как внутри неё разрастается странное спокойствие.

Она знала, что больше не сможет быть прежней, этот день изменил её. Она должна что-то исправить в себе, в своей жизни, в своей душе.

Она села в машину, но не тронулась с места, а сидела, сжимая руль, и смотрела в одну точку. Перед глазами стояло лицо Марии Михайловны, её слёзы, её боль и отчаяние.

«Что я делаю со своей жизнью? — спросила она себя. — Зачем я это делаю? Ради денег? Ради карьеры? Ради того, чтобы быть успешной? Но какой ценой?»

Она завела двигатель. Машина выехала на дорогу, и Оля чувствовала, как с каждым километром её жизнь меняется. Она не знала, куда приведёт её этот путь, но знала, что назад дороги нет.

«Я должна измениться, — думала Оля. — Я должна найти другой путь. Я не могу продолжать так жить».

Она ехала вперёд, чувствуя, как внутри неё разливается странное спокойствие, как будто она приняла решение и наконец поняла, что должна делать.

Глава 7. Тень Строганова

Ольга Фёдоровна стояла перед большим венецианским зеркалом в личных покоях и смотрела на своё отражение. Руки её слегка дрожали, когда она надевала перстень с сапфиром, который был ей так дорог. Камень мерцал в лучах утреннего света, переливаясь глубокими синими оттенками, как кусочек ночного неба, запёртый в золотой клетке.

Она поднесла руку к свету, полюбовалась сиянием и почувствовала, как внутри разливается спокойствие. Перстень всегда успокаивал её. Он был её талисманом, её защитой, её связью с чем-то большим, чем она сама. Она не знала, что это за связь, но чувствовала её каждой клеткой своего тела.

Прошла в зал для приемов и распорядилась позвать Лендорфа. Голос её звучал уверенно, хотя внутри всё сжималось от напряжения.

Она знала, что этот день был важен. Переговоры с Пруссией могли изменить судьбу России. Брачный союз с Сюзанной, это не просто политический ход. Это будущее её сына, династии, страны. Императрица должна быть сильной, непоколебимой.

Двери зала отворились, Лендорф, отвесив церемониальный поклон, приблизился и замер в немом почтении. Его лицо было бесстрастным, но Ольга Фёдоровна чувствовала, что за этой маской скрывается холодный расчёт.

— Итак, граф, — начала она, и голос её звучал твёрдо, как сталь. — Я тщательно обдумала ваше предложение и нахожу его приемлемым. Но окончательное решение будет зависеть от наших деловых договорённостей.

— Конечно, Ваше Императорское Величество, — ответил граф, и в его голосе послышалось облегчение. — Я всё понимаю. Это и есть моя миссия, и я готов приступить к обсуждению деталей безотлагательно.

— Хорошо, — кивнула императрица. — Пройдёмте тогда в другой зал. Все, кто нам нужен, уже в сборе.

Она встала и в этот момент мир покачнулся, тошнота подкатила к горлу, сильная, внезапная, почти парализующая. Ольга Фёдоровна остановилась, пытаясь справиться с приступом, закрыла глаза и глубоко вздохнула. В груди всё сжалось, к горлу подступила горечь.

— Вам плохо, Государыня? — услышала она голос Лендорфа. — Я могу помочь?

Она открыла глаза и посмотрела на него. В его взгляде была тревога, но Ольга Фёдоровна не была уверена, что искренняя. Она вообще не была уверена, что этому человеку можно верить.

— Нет, — ответила она, стараясь, чтобы голос звучал ровно, — со мной всё в порядке.

Тошнота немного отпустила, но голова кружилась. В ушах шумело, как будто она стояла рядом с водопадом. Она взяла себя в руки, выпрямилась и посмотрела на графа с той холодной уверенностью, которая была её второй натурой.

— Пойдёмте, граф, — сказала она уже железным тоном. — Нас ждут.

Она пошла вперёд, чувствуя на себе его взгляд. Она понимала, что этот день принесёт что-то важное.

Переговоры шли как всегда: экономические выгоды, военное сотрудничество, условия брачного контракта. Всё было сухо, официально, но императрица слышала не слова, а то, что скрывалось за ними: недоговорённости, ложь.

Она переводила взгляд с одного лица на другое, и в голове её работал безжалостный механизм оценки, отточенный годами правления. Кто из сидящих перед ней людей был предан, а кто уже продал свою душу врагам России?

Васильев. Старый, седой, с вечно опущенными глазами. Он говорил мало, но каждое его слово было выверено. Ольга Фёдоровна знала его двадцать лет. Он был предан, это она чувствовала. Но преданность Васильева была преданностью труса. Он боялся всего — войны, реформ, перемен. Он не пойдёт против неё, потому что слишком дорожит своей шкурой. Но и за неё он не пойдёт в огонь. Он будет молчать, когда нужно будет говорить. Он будет ждать, когда нужно будет действовать. От него не было вреда, но и пользы — никакой. Ему можно было доверять в том смысле, что он не предаст, но нельзя было доверять в том, что он подержит.

Вяземский. Хитрый лис, с вечной улыбкой на тонких губах. Этот умел играть. Ольга Фёдоровна видела его насквозь. Вяземский был из тех, кто всегда выбирал сторону победителя. Сейчас он сидел перед ней и улыбался, кивал, соглашался. Но она знала: если случится переворот, Вяземский первым принесёт присягу новому правителю. Он не был заговорщиком в прямом смысле — он был слишком умён для открытой игры. Но он был опасен своей гибкостью, своей способностью менять убеждения. Он не плетёт заговор против неё — он просто ждёт, кто победит, чтобы примкнуть к сильнейшему. Такой же опасный, как и явный враг. Но доказательств против него не было.

Панин. Гордый, надменный, с холодными глазами, которые смотрели на неё с едва скрываемым презрением. Панин был из тех, кто считал, что трон должен принадлежать не женщине, а мужчине. Он никогда не говорил этого вслух, но Ольга Фёдоровна читала это в каждом его жесте, в каждом его молчаливом вздохе. Он не скрывал своего недовольства её реформами, её политикой, её властью. Но открыто пойти против неё? Нет, Панин был слишком осторожен. Он знал, что значит бросить вызов императрице. Он будет ждать удобного момента, плести интриги в тени, но не станет рисковать, пока не увидит, что кто-то другой уже сделал первый шаг. Он был врагом, но врагом терпеливым.

Безбородко. Молодой, честолюбивый, с жадным блеском в глазах. Этот хотел власти, денег, хотел, чтобы его имя гремело по всей Европе. Ольга Фёдоровна знала, что амбиции Безбородко могут толкнуть его на предательство, но пока он был с ней. Она давала ему то, чего он хотел: должности, влияние. Он был слишком умён, чтобы предать её сейчас, когда она была сильна. Но она знала: если она покажет слабость, Безбородко, не задумываясь, переметнётся на сторону врага. Он был предан только своей карьере.

И Строганов. Тот, кому она доверяла больше всех. Тот, кто знал её секреты, её страхи, её слабости. И сейчас она смотрела на него и чувствовала, как внутри неё нарастает холод. Он вёл себя странно, слишком тихо, слишком осторожно, слишком уклончиво. Его взгляд постоянно скользил по залу, как будто он искал что-то. Или кого-то. Она знала его годы, знала его походку, голос, привычки. И она видела, что сейчас перед ней сидит незнакомый ей Строганов.

Несколько раз Ольге Фёдоровне показалось, что Строганов и Лендорф обменялись взглядами. Короткими, едва заметными, но достаточно красноречивыми. Как будто они были свя-

заны чем-то, о чём она не знала. Как будто они играли в свою игру, в которой она была лишь пешкой. Она видела, как Лендорф чуть заметно кивнул, когда Строганов произнёс фразу о взаимной выгоде для обеих стран. Она видела, как Строганов улыбнулся, когда Лендорф заговорил о прочности будущего союза. Эти улыбки были слишком довольными, слишком уверенными, будто они знали что-то, чего не знала она.

Когда встреча закончилась, Ольга Фёдоровна удалилась в свой рабочий кабинет. Она села в кресло, обхватила голову руками и закрыла глаза. В ушах всё ещё звучали голоса, но она пыталась отделить свои мысли от чужих слов.

«Что происходит? — спрашивала она себя. — Почему мне кажется, что Строганов что-то скрывает?»

Она перебирала в голове лица членов коллегии. Васильев — слишком труслив для заговора. Вяземский — слишком осторожен. Панин — слишком терпелив. Безбородко — слишком зависит от неё. Никто из них не стал бы рисковать. Никто из них не был тем, кто мог бы организовать заговор. А вот Строганов...

Она пыталась найти логическое объяснение своим подозрениям, но не могла. Это было чувство — интуитивное, почти животное. Оно говорило ей: «Осторожно, он не тот, за кого себя выдаёт». Оно говорило ей: «Он предаст тебя».

Она вспомнила, как Строганов смотрел на Лендорфа. Как он чуть заметно кивнул, когда граф говорил о военном сотрудничестве. Как он улыбнулся, когда упомянули о будущем союзе. Эта улыбка была слишком довольной, слишком уверенной. Как будто он знал что-то, чего не знала она.

И вдруг Ольга Фёдоровна поняла. Это не было логическим выводом. Это было озарением, которое приходит изнутри, из самой глубины души. Она поняла, что Строганов и Лендорф были связаны. Что они вели двойную игру, готовили что-то, что могло разрушить всё, что она строила. Васильев, Вяземский, Панин, Безбородко — все они были лишь фигурами на доске. А Строганов был тем, кто двигал их в нужную сторону. Лендорф был тем, кто давал им указания из-за границы. Это целая сеть и Строганов был в её центре.

Она открыла глаза, в них застыла сталь. Решение было принято. Теперь она знала, кто её враг. И она знала, что делать.

Она резко поднялась с кресла и позвонила в колокольчик.

— Орлова ко мне, срочно, — приказала она железным тоном.

Через пять минут на пороге появился начальник кавалергардского корпуса. Он был высоким, статным, с резкими чертами лица и холодными глазами, которые видели всё. В его присутствии Ольга Фёдоровна чувствовала себя в безопасности, хотя знала, что он — единственный человек, который мог быть опасен для неё.

— Взять под стражу Строганова, — сказала она, и голос её был холоден, как лёд. — Держать до моих дальнейших указаний.

Орлов удивлённо поднял бровь. Он не ожидал такого приказа. Строганов был доверенным лицом императрицы. Арестовать его без объяснений было странно. Но Орлов знал, что спорить невозможно. Он молча отдал честь, щёлкнул каблуками и удалился.

Ольга Фёдоровна осталась одна. Она стояла у окна, глядя на серое небо, и чувствовала, как внутри неё бушует буря. Она не была уверена в своих подозрениях. Но она знала, что должна действовать. Если Строганов действительно замешан в заговоре, каждая минута промедления может стоить ей жизни. И не только ей — её сыну.

«Прости меня, — прошептала она, обращаясь к кому-то невидимому. — Прости, что я должна делать это. Но я не могу рисковать, не могу».

Она сжала перстень на своём пальце и почувствовала, как он пульсирует — тепло, успокаивающе, как будто говорил ей: «Ты поступаешь правильно. Доверься своему сердцу».

Она не знала, что будет дальше. Не знала, окажутся ли её подозрения верными. Но она знала одно: она должна была найти правду. Даже если эта правда разрушит её мир.

Она подошла к столу, взяла перо и написала письмо. Короткое, без единого лишнего слова:

«Графу Лендорфу. Прошу вас задержаться во дворце до особого распоряжения».

Она запечатала письмо сургучом и позвала камердинера. Когда тот ушёл, она опустилась в кресло и закрыла глаза. Она знала, что сейчас начинается игра, в которой ставкой была её жизнь. И она была готова играть до конца.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. МЕЖДУ МИРАМИ

Глава 8. Кот Шрёдингера

Утро началось с серого, холодного света, который просачивался сквозь плотные шторы, как предвестник чего-то неизбежного. Оля открыла глаза и почувствовала, как внутри знакомое напряжение. Она плохо спала — мысли о перстне, о вчерашнем суде, о Марии Михайловне, которая плакала на скамейке, — всё это сплелось в один тугой клубок, который не давал ей покоя.

Она встала, приняла душ, выпила кофе и поехала на работу. В офисе было тихо, она приехала раньше всех. Это было её привычкой — приходить до того, как начнётся суeta, чтобы успеть разобрать почту, подготовить документы, настроиться на рабочий лад. Сегодня это было особенно важно. Ей нужно было отвлечься, не думать о том, что происходило в её жизни.

Она села за стол, открыла ноутбук и быстро разобрала электронные письма. Ответы на запросы, уведомления о заседаниях, внутренние распоряжения — привычная рутина. Она работала механически, почти не вдумываясь в написанное, и это помогало. Это создавало иллюзию нормальной жизни.

Закончив с почтой, она начала просматривать новостную ленту. Политика, экономика, происшествия — всё как обычно. Но вдруг её взгляд зацепился за статью, которая выделялась среди остальных.

«Неизвестная императрица», — прочитала она заголовок.

Оля щёлкнула мышкой, и перед ней развернулась статья. Автор рассказывал о недавней находке в архивах Эрмитажа — неизвестном документе, в котором императрица Ольга Фёдоровна отдавала приказ об аресте одного из своих министров. Статья была написана живо, с историческими подробностями, но Оля не могла сосредоточиться на деталях. Она смотрела на имя императрицы, и внутри неё что-то ёкнуло.

«Интересно, — подумала она. — Вроде ничего такого. Обычная заметка, на которую и внимания обращать не стоит. Подумаешь, когда это было? Двести-триста лет назад».

Она хотела закрыть вкладку, но что-то остановило её. Она перечитала статью ещё раз: императрица, арест, Строганов. Имена, которые почему-то казались ей знакомыми. Имена, которые как бы преследовали её.

«Ну ты даёшь, тетка, — улыбнулась она, но улыбка вышла натянутой. — Что же ты там натворила?»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.